

А. В. Гордон
Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Москва

СУБКУЛЬТУРА МОЛОДЕЖНОГО ПРОТЕСТА: ПАРИЖСКИЕ ПРИГОРОДЫ ОСЕНЬЮ 2005 Г.

Выступления молодежи иммигрантских кварталов осенью 2005 г. – выдающееся событие в истории парижских окраин и в политической истории Пятой республики. Начавшись локальным бунтом, какие спорадически вспыхивали в населенных по преимуществу иммигрантами из стран Северной и Тропической Африки кварталах городских агломераций Франции, события приобрели масштаб национального восстания. Им были охвачены 300 коммун, все департаменты Парижского региона, отклики отмечались на востоке и западе Франции. Тысячи задержанных и арестованных участников, две сотни раненых полицейских, тысячи сожженных машин. Три недели полиция и жандармерия не могли справиться с повстанцами. Одни аналитики, акцентируя вандализм выступлений, именуют их «бунтами (*émeutes*)». Другие, указывая на масштаб выступлений, их длительность, ожесточенность конфронтации с силами правопорядка, предлагают термин «восстание (*révolte*)». И те, и другие объясняют вандализм протестовавших отсутствием у молодежи иных способов выражения протеста. Историки отмечают сходство молодежных выступлений с социальным протестом в традиционных обществах. В обоих случаях участники добивались демонстрационного эффекта в стремлении донести до власти имущих глубину своего возмущения. Протест принимал вид празднества, сопровождавшегося эмоциональной разрядкой, обретением чувства собственного достоинства и коллективной идентичности. В апелляции к моральным ценностям повстанцы черпали легитимность своих действий. В статье на основании прессы, источниковедческих обзоров и аналитики прослеживается, в какой степени действия повстанцев 2005 г. соответствуют культурно-исторической типологии архаических форм социального протеста.

Ключевые слова: восстание в парижских пригородах в 2005 г., социальный протест, архаический бунт, социальная аномия, молодежная субкультура, иммигрантские кварталы, вандализм

Цитирование: Гордон А. В. Субкультура молодежного протеста: парижские пригороды осенью 2005 г. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-176-201> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 176-201.

Поступила в редакцию: 17.03.2024

Принята к печати: 18.05.2024

Alexander V. Gordon

Institute of scientific information
for social sciences, RAS
Moscow

SUB-CULTURE OF YOUTH PROTEST: PARISIAN SUBURBS IN AUTOMN 2005

The protests of the youth of the immigrant neighborhoods in the fall of 2005 are an outstanding event in the history of the Parisian suburbs and in the political history of the Fifth Republic. Having begun as a local revolt, which flared up sporadically in the urban agglomerations of France populated mainly by immigrants from the countries of North and Tropical Africa, the events acquired the scale of a national uprising. They expanded to 300 communes, all departments of the Paris region, and responses happened in the east and west of France. There were thousands of detained and arrested participants, two hundred wounded police officers, thousands of burned cars. For three weeks the police and gendarmerie could not suppress the rebels. Some analysts, emphasizing the vandalism of the protests, call them “riots (*émeutes*).” Others, pointing to the scale of the protests, their duration, and the fierceness of the confrontation with the forces of law and order, propose the term “uprising (*révolte*)”. Both explain the vandalism of the protesters by the lack of other ways for young people to express their protest. Historians have noted the similarities between youth protests and social protest in traditional societies. In both cases, the participants sought a demonstration effect to convey to those in power the depth of their indignation. The protests sometimes took the form of festivities, accompanied by emotional release, the acquisition of self-esteem and collective identity. The rebels drew legitimacy for their actions by appealing to moral values. The article traces how deeply the actions of the 2005 rebels could match the cultural and historical typology of archaic forms of social protest.

Keywords: uprising in the Parisian suburbs (2005), social protest, archaic riot, social anomie, youth sub-culture of the immigrant neighborhoods, vandalism

Citation: Gordon, A., (2024). Subkul'tura molodezhnogo protesta: parizhskie prigorody osen'iu 2005 g. [Sub-Culture of Youth Protest: Parisian Suburbs in Autumn 2005]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-176-201>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 176-201.

События, происходившие на ближних и дальних окраинах Парижа в октябре-ноябре 2005 г., произвели во французском обществе двойственное впечатление – ожидавшегося и неожиданного. Они показались всем и, в первую очередь, самим участниками и их близким чем-то «заранее объявленным, давно ожидавшимся»¹, потому что происшедшее вписывалось «в четверть века истории французских пригородов»², явившись «высшей точкой» протестных выступлений местной молодежи. С 1980-х гг. в населенных мигрантами пригородах городских агломераций Франции происходили спорадические беспорядки. Начинались они обычно убийством (тяжелым ранением) полицейскими малолетнего злоумышленника, угнавшего машину или совершившего иное правонарушение. Молодежь пригорода отвечала поджогом машин и другими актами вандализма, вступая в стычки с полицией и пожарными. Не стал исключением 2005 год. 1 апреля в Обервилье³ подросток на мопеде разбился, пытаясь ускользнуть от полицейского патруля. Несколько ночей местная молодежь жгла автомобили, подожжен был торговый склад и несколько зданий, досталось и полицейским. 16-19 октября аналогичные акты насилия происходили в лионском пригороде Вольс-Ан-Велен, в квартале, известном своими выступлениями еще с 1990-х гг.

Хроника событий

Эта история началась 27 октября 2005 г. в расположенном в 14 км от Парижа небольшом (28 тыс. жителей) городке Клиши-су-Буа (департамент Сена-Сен-Дени), где трое подростков, испугавшись полицейского патруля, забрались в трансформаторную будку, что

¹ Piettre A. La glèbe et la plèbe. Les révoltes des banlieues françaises : un répertoire d'action collective ancien pour une nouvelle visée du mouvement social? // Séminaire RT 21 Mouvements sociaux Association Française de Sociologie. Février 2010. France. halshs-00461848.

² Lapeyronnie D. Révolte primitive dans les banlieues françaises. Essai sur les émeutes de l'automne 2005 // *Déviance et Société*. 2006. Vol. 30. № 4. P. 432.

³ Город со 100-тысячным населением на северо-восточной окраине Парижа.

для двоих закончилось смертью от электрического разряда. Подростки не совершали никакого преступления, что и вызвало особое возмущение. Уже ночью в городке загорелись первые машины, подростки стали забрасывать полицейские машины камнями, вступать в стычки с пожарными.

Выступления распространялись подобно лесному пожару. «Каплей, переполнившей чашу» возмущения, называют полицейскую гранату со слезоточивым газом, брошенную 30 октября к наполненной верующими по случаю Рамадана мечети в Клиши⁴. Чья это была акция, осталось неизвестным; при том, что ее провокационный характер сомнения не вызывает. Ни в подготовке, ни в самих событиях осени 2005 г. не обнаружено исламского «следа». В мятежных кварталах не замечали религиозных агитаторов – «ни каидов⁵, ни исламистов»⁶. Не было религиозных лозунгов, не звучало «Аллах акбар», мусульманское духовенство выступало исключительно с примирительными обращениями. Однако в молодежной среде, которая в большинстве своем была нерелигиозной, восприняли такую провокацию как оскорбление памяти предков, чувств верующих отцов и матерей. Это стало вызовом.

31 октября выступления захватили три соседних с Клиши города в департаменте Сена-Сен-Дени, 1 ноября – семь, затем к Сена-Сен-Дени присоединились департаменты Валь-де-Марн, Валь-д'Уаз, Ивелин – весь Парижский регион, в котором сосредоточено 40% иммигрантского населения страны. В ночь с 4 на 5 ноября отклики на происходившее здесь отмечались во всех частях Франции (Руан, Лион, Нант, Ренн, Суассон, Лиль, Тулуза, Страсбург, Бордо). Если в первые ночи пылали десятки машин, то с 2 ноября счет пошел на сотни, с 6-го на тысячи. Параллельно нарастало число задержаний: с 5 ноября их были сотни⁷. Всего протестные выступления охватили более 300 коммун. Было сожжено около 10 тыс. авто, повреждены 255 школ, 233 здания госучреждений, 51 почтовое отделение. Страховые агентства оценили материаль-

---

⁴ *Piettre A.* La glèbe et la plèbe Les révoltes des banlieues françaises : un répertoire d'action collective ancien pour une nouvelle visée du mouvement social ? // Séminaire RT 21 Mouvements sociaux Association Française de Sociologie. Februaire 2010, France. halshs-00461848. – URL : <https://www.academia.edu/68945236/> (дата обращения 01.03.2024).

⁵ Каид (араб), буквально – вождь, предводитель. В данном случае духовный лидер.

⁶ *Bordenave Y., Kessous M.* Une nuit avec des "émeutiers" qui ont "la rage" // le Monde. 2005. 7 novembre.

⁷ Déclarations du ministère de l'Intérieur. – URL : https://fr.wikipedia.org/wiki/Wikipédia:Accueil_principal (дата обращения 01.03.2024).

ный ущерб в 200 млн евро. Полиция задержала 6 тыс. участников выступлений, примерно 1300 были арестованы – но в этом данные полиции и прессы разнятся.

Правительственным декретом 9 ноября, впервые со времен Алжирской войны, было введено чрезвычайное положение. В подавлении выступлений участвовали 11 500 полицейских и жандармов, из них 217 получили ранения. Порядок удалось восстановить лишь к 17 ноября. «Никогда – констатирует политолог, профессор Университета Париж-8 Мишель Кокореф, – подобные беспорядки не имели такого размаха ни во Франции, ни во всей Европе, отличаясь не только интенсивностью, но также длительностью и масштабом»⁸. То, что вначале представлялось банальными локальными волнениями, приобрело черты национального восстания.

Поколение квартала

Перед судом в Бобиньи (парижский пригород, один из очагов движения) предстали 86 участников выступлений. По их именам и фамилиям исследователи установили этническую базу выступлений: 55,5% – «магрибинского происхождения», 23,5% – из Тропической Африки. В большинстве это были подростки 16–18 лет, не имевшие криминального прошлого. Юноши из «стабильных, но нуждающихся семей»⁹. Больше, чем этническое происхождение или конфессиональная принадлежность, их характеризует территориальность, место жительства. Это третье к тому времени поколение выходцев из иммиграции называют «поколением квартала (*génération de cité*)»¹⁰.

Понятие характеризует специфическую структуру социальной организации в виде особых кварталов пригородов, так называемых ZUS (*zones urbaines sensibles*), буквально – «городских территорий повышенной чувствительности»¹¹. Категория была учреж-

⁸ Kokoreff M., Steinauer O., Pierre Barron P. Les émeutes urbaines à l'épreuve des situations locales // SociologieS [En ligne]. 2007. 23 août.

⁹ Mucchielli L., Delon A. Les mineurs émeutiers jugés à Bobigny (93). In Justice des mineurs – Emeutes urbaines. Paris : Revue Claris. N.1. 29 octobre 2006. – URL : <https://histoirecoloniale.net/les-mineurs-emeutiers-juges-a.html> (дата обращения 01.03.2024).

¹⁰ Термин появился в аналитической статье социологов О. Маскле и С. Бо. См. (Beaud S., Masclat O. Des «marcheurs» de 1983 aux «émeutiers» de 2005. Deux générations sociales d'enfants d'immigrés // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2006/4 A. 61. № 4. P. 826. Встречается перевод «поколение пригорода» (Деминцева Е. Б. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли эбдо» // Этнографическое обозрение. 2015. № 5.

¹¹ В 2015 г. было принято официальное наименование «quartiers prioritaires de la politique de la ville», буквально – «кварталы преимущественного внимания в городской политике».

дена законом от 14 ноября 1996 г., а последующими декретами был установлен список таких территорий числом 751. Основанием сделались высокая безработица, низкий уровень образования жителей, деградация жилой среды. В департаменте Сена-Сен-Дени оказалось их больше всего – 52 «зоны»¹².

Можно провести известную корреляцию между наличием «чувствительных» кварталов и очагами выступлений. Среди особо отметившихся беспорядками в Севране таковых указано 3, в Оне-су-Буа 4, в Бобиньи даже 7. Однако преувеличивать подобную зависимость нельзя. В Обервилье в списке ZUS значатся три таких квартала, однако масштабных акций там не было зафиксировано. То же самое можно сказать о городе Сен-Дени, центре департамента, в котором имелось пять таких кварталов. Здесь за время событий сгорели 44 авто (по другому источнику 49) и четыре лавки были разграблены¹³.

В основе «чувствительного» квартала находилось *cit  *. Это как правило был многоэтажный жилой комплекс¹⁴ с автономной инфраструктурой. Возведение таковых интенсивно происходило в парижских пригородах, а также в других агломерациях Франции в пору «славного тридцатилетия» экономического роста – 1946–1976 гг. С 1980-х гг. в условиях «деиндустриализации» жители беднели, инфраструктура деградировала, и эти ячейки дешевого социального жилья стали местом обитания иммигрантов из Магриба и Тропической Африки, средоточием безработицы, бедности, теневой экономики. А с ними – и очагом молодежной девиантности¹⁵. В кварталах возникало особое пространство «двора», который оккупировала молодежь иммигрантского происхождения. С исчезновением жилмассивов в ходе городской реконструкции такое пространство не исчезало, перемещаясь в закоулки, скверы, площади пригородов. Суть его – локализованный микрокосм с элементами самодостаточности.

Последняя выражается уже в физическом ограничении места жизнеобитания, чему немало способствует полиция, у которой появление молодежных компаний за пределами этой территории вы-

¹² URL: <https://sig.ville.gouv.fr/atlas/ZUS> (дата обращения 01.03.2024).

¹³ Kokoreff M., Osganian P. Pourquoi mettent-ils le feu? Des acteurs de terrain racontent// Mouvements. 2006. № 2 (44). P. 45.

¹⁴ В 10-этажном *cit  * «112» (Обервилье) значилось более 1000 квартиросъемщиков, в *cit  * «Роза ветров» (Оне-су-Буа) более – 3000.

¹⁵ Живописные примеры – запечатленные в прессе судьбы указанных *cit  * в Обервилье и Оне-су-Буа.

зывает настороженность, как правило достаточно обоснованную, поскольку сопровождается нередко сомнительными действиями. Соответственно полицейские патрули бдительно контролируют такие «выходы», пресекая их навязчивой проверкой документов, обысками, а то и задержанием. Так, подростковый мир превращался в «зону».

«Им кажется, что их прикрепили к территории или даже закрепили в “городской зоне”, имеющей отчетливые разделительные линии между “своим” и “чужим” пространством», – отмечает Дейкема Класке (Университет Гренобля-Альпы), проводившая полевые исследования в Лионской агломерации. Покидая свой квартал, подростки обычно чувствуют себя неуютно и даже ощущают себя потерянными. Тем больше у них желания быть хозяевами внутри него, ибо для них это весь мир. Они проводят здесь целый день, играют, едят, развлекаются, покуривая «травку» и обретая сексуальный опыт. Вытесненные из домашних стен родителями и старшими членами семьи, они «приватизируют» свой квартал¹⁶.

В материалах правительственного центра стратегических исследований констатируется, что принадлежность подростков к кварталу «защищает и ограничивает их. Защищает, предоставляя пространство, где они находят себя (*où ils trouvent leurs marques*) и, с их точки зрения, некий комфорт (*tranquillité*)». Ограничивает, потому что оборачивается тотальным контролем. Она дает права и накладывает обязательства. Это «право принадлежать к группе, не всегда четко определенной, и обязанность защищать ее»¹⁷.

Основной ячейкой социальной организации у подростков, ставшей, в свою очередь, ударным звеном их выступлений, оказывается группа («банда»), которая заменяет им присущие этой возрастной категории социальные связи (семья, родственники, школа). Обыкновенно в квартале действуют несколько групп и выбор между ними возможен; однако сама принадлежность к группе для живущего в квартале подростка становится почти обязательной. Действует суровый закон: не хочешь входить в группу – переселяйся из квартала, остаешься – подчиняешься ее неписанному, но строгому, порой жестокому уставу.

¹⁶ *Claske D. If You Can't Hear Me, I Will Show You*: Insurgent Claims to Public Space in a Marginalized Social Housing Neighborhood in France // *Space and Culture*. 2018. Vol. 22. № 3.

¹⁷ *Enquêtes sur les violences urbaines: comprendre les émeutes de novembre 2005: Les exemples de Saint-Denis et d'Aulnay-sous-Bois / Cicchelli V., Galland O., Maillard J. de., Misset S. P., 2006. P. 84.*

«Подростки при всем их социальном нигилизме тем не менее признают один авторитет – авторитет группы своих сверстников»¹⁸, – пишет И. С. Новоженова. И такой авторитет в немалой мере основан на подчинении силе, а значит, самый сильный становится и самым авторитетным. Так складывается культ «мачо», проявления которого сводятся в конечном счете к торжеству физической силы, а также ловкости и предприимчивости, поскольку те выражаются в способности к риску и пренебрежении принятыми в обществе нормами.

В поведении подростков проблемных кварталов обнаруживаются различные формы девиантности, начиная с элементарного хулиганства и кончая правонарушениями уголовного характера. Как минимум, это не дающие покоя окружающим и особенно соседям шумные сборища и проявления бытового вандализма вроде опрокидывания и поджога мусорных баков. Едва ли не высшей доблестью в культе «мачо» считается «родео», угон машин с последующим их поджогом. Зачастую угон завершается преследованием угонщика полицейским патрулем, который пускает в ход огнестрельное оружие. В таких случаях «родео» порою заканчивается фатальным исходом, за которым следуют описанные выше локальные бунты. Поджог же автомобилей сделался «фирменной» чертой протестных выступлений молодежи проблемных кварталов Франции.

Молодежь кварталов как правило живет с родителями, они граждане Франции и нормы социального обеспечения французского законодательства распространяются на них. В отличие от пауперов Старого порядка им нет необходимости нищенствовать и в отличие от бедноты пролетарских окраин XIX в. они не голодают. Но консюмеризм вторгается в их сознание. При недостатке, а то и отсутствии легальных источников дохода подростки находят тем не менее средства для частичного удовлетворения своих потребностей, подогреваемых зрелищем витрин модных магазинов. Это, как они сами называют, «мелкий бизнес», который включает многообразные формы – от мелкого воровства, торговли контрабандными сигаретами и распространения наркотиков до участия в квартирных кражах и грабежах. Популярная среди подростков подсобная работа на рынках сопровождается нередко продажей из-под полы краденого. И в целом в молодежном «бизнесе», как сдержанно замечают эксперты, «граница между легальным и не-

---

¹⁸ Новоженова И. С. «Лишние люди»: волнения иммигрантской молодежи во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 134.

легальным установлена нечетко» и «культура противозаконности довольно сильно укоренена в ментальности молодежи»¹⁹.

Авторитет «мачо», диктат группы опрокинули для подростков возрастную иерархию, вытеснив или по меньшей мере потеснив авторитет «старших» – отца, дяди, старшего родственника. Не добившиеся материального успеха в своей трудовой деятельности, находящиеся на нижней ступени социальной лестницы, те не могут стать образцом для подростков. На второй план отошла и фигура «старшего брата». Предыдущее поколение, коему к 2005 г. было 25–30 лет, уже частично приспособилось к своему положению. Им было «что терять», пишет Кокореф, и во время выступлений они оставались «в резерве», морально поддерживая подростков, но как правило воздерживаясь от непосредственного участия²⁰. Произошло знаковое и ставшее чрезвычайно значимым в событиях 2005 г. явление – «временная автономизация самых юных»²¹.

Этика самоутверждения

Подобная «культура противозаконности» имеет различные аспекты: от криминального до протестного. Полиция выдвинула криминальную версию, которую в Национальном собрании озвучил Н. Саркози, направивший расследование в эту сторону. Доминируя в общественном мнении Франции, криминальная версия событий осени 2005 г. помогла главному ее протагонисту попасть в Елисейский дворец в 2007 г. У нее было немало сторонников среди профессионалов. «Главная ударная сила, мотор потрясшего весь мир “бунта окраин” – мелкие группы с отлаженной внутренней организацией, но слабо связанные между собой. Это преступные шайки, объединенные общим криминальным бизнесом и потому имеющие опыт противостояния полиции»²², – убежден офицер из России, проходивший в то время стажировку по окончании Высшей школы полиции и поддержавший мнение коллег. Однако специалисты по проблемам пригородов подвергли криминальную версию основательной и всесторонней критике²³.

¹⁹ Enquêtes sur les violences urbaines: comprendre les émeutes de novembre 2005: Les exemples de Saint-Denis et d'Aulnay-sous-Bois / Cicchelli V., Galland O., Maillard J. de., Misset S. P., 2006. P. 86.

²⁰ Kokoreff M., Steinauer O., Barron P. Op. cit.

²¹ Enquêtes sur les violences urbaines... P. 87–88.

²² Ворожцов Е. Н. Меняться и менять // Россия в глобальной политике. 2005. № 6.

²³ См.: Гордон А. В. Постколониальный синдром во Франции: протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2023. № 1. С. 27.

«Бунт нельзя сводить к преступности (*délinquance*)»²⁴, – заметил Дидье Лапейрони, формулируя альтернативное мнение. В работах социологов действия подростков обретали смысл социального протеста, который реализовывался в выплеске разрушительной энергетики, накопленной в результате систематического унижения их личного достоинства. Отстаивание его оказывается ключевым понятием в самоутверждении личности. В маргинальной среде «новых отверженных»²⁵ подростки отстаивают уважение к себе в борьбе между собой, со взрослыми, с учителями в школе, наконец, коллективно в «своих» кварталах – с полицией. «Я борюсь за то, чтобы нас уважали», – заявил один из участников выступлений осени 2005 г.²⁶

В этом континууме борьбы за уважение возникает солидарность униженных – на уровне группы, квартала, всего социума, сплавляемого ощущением своей униженности. Упомянутый российский офицер отмечал в действиях повстанцев слабую связь «ударных» групп между собой²⁷. Упорядоченную и формализованную организацию заменяла моральная солидарность. «Просто солидарность», – объяснял корреспонденту *Le Monde* суть отношений между восставшими кварталами 25-летний житель Обервилье: «Собрались все, чтобы услышали наше восстание (*révolte*)»²⁸.

Соглашусь с исследователями, выдвигающими на первое место в динамике выступлений осени 2005 г. эмоциональный фактор. Молодежь иммигрантских кварталов объединило возмущение поведением министра внутренних дел, назвавшего протестовавших в Клиши «отбросами». Благодаря курсу на «нулевую терпимость» к правонарушениям, обернувшуюся жестоким обращением полиции с молодежью пригородов, а непосредственно из-за громогласных заявлений о наведении там порядка посредством «санитарной чистки (*nettoyer au Kärcher*)», в пригородах не было более ненавистного персонажа, чем Николя Саркози.

То был типичный для традиционных форм протеста случай фетишизации социальной несправедливости и персонификации про-

²⁴ *Lapeyronnie D.* Révolte primitive dans les banlieues françaises. Essai sur les émeutes de l'automne 2005 // *Déviance et Société*. 2006. Vol. 30. № 4. P. 443.

²⁵ *Латина Н. Ю.* Новые отверженные: Французский контекст // Независимая газета. 2020. 29 июня. С. 12.

²⁶ *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 441–442.

²⁷ *Ворожцов Е. Н.* Указ. соч.

²⁸ *Bordenave Y., Kessous M.* Une nuit avec des "émeutiers" qui ont "la rage" // *le Monde*. 2005. 7 novembre.

тестных настроений. С самого начала и до конца событий Саркози, пишет Лапейрони, «фокусировал озлобление и воплощал для бунтарей систему и порядок, которые не только превращают их в маргиналов, но еще и унижают их достоинство»²⁹. Ненависть к министру внутренних дел, объединив молодежь пригородов, создала охватившую весь Парижский регион эмоционально-психологическую основу для выступлений.

Указав на исторические примеры Жакерии (1358) и Великого страха (1789), Лапейрони констатировал: «Бунт распространяется, находя благоприятную почву, когда индивиды и группы имеют один и тот же жизненный опыт, разделяют одни и те же обиды, одно и то же моральное негодование». Повстанцев 2005 г. объединило «чувство морального возмущения циничным нарушением фундаментальных ценностей общества» и прежде всего неуважением к себе. Это был «моральный протест против полицейского насилия» и его оправдания³⁰. В немалой степени – против тех выражений, в которых объясняли происходившее власть имущие. «Слова ранят сильнее, чем удары, – объяснял журналисту 25-летний житель Обервилье, старший по возрасту в группе бунтарей. – Сарко должен уйти в отставку. Раз он не извинился, все будет продолжаться»³¹.

Исключительно важно, что протестные настроения распространились и среди взрослых, захватив многих жителей восставших кварталов. Они «осуждали насилие, но понимали его», – пишет Лапейрони со ссылкой на репортаж *Le Monde* от 29 октября 2005 г. Население было объединено ощущением «гнета» – полицейского и социального, глобального и тотального (*indistincte*). Когда «министр говорил: вы все одинаковы», это возмущало, заявил корреспонденту *Liberation* 34-летний житель Монфермей. И возникало чувство сопричастности. Журналисты очень часто слышали, что взрослые жители охваченных выступлениями пригородов называли повстанцев «наши дети». В свою очередь, эти жители адресовали реплику «вы все одинаковы» уже власти имущим³². Круг ненависти замыкался.

Действия самих повстанцев оправдывал между тем их собственный «моральный кодекс», в основе которого пребывало убеждение, что они – «жертвы». Жертвы несправедливости!

²⁹ *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 441–442.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Bordenave Y., Kessous M.* Op. cit.

³² *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 441.

«Бунтарями против несправедливости», – называет подростков Кокореф. «Глубокое чувство несправедливости, которое плохо понимают, когда смотрят» на положение дел извне этих кварталов, есть «основа восстания»³³. Подростки видят себя жертвами не только полиции, но всех тех социальных условий, что обрекают их на унижительное существование в «зоне» и лишают шансов выбраться из нее.

Их протест казался им борьбой за достойную в понятиях, признанных французским обществом, жизнь. И даже более того, в глазах подростков они боролись за основополагающие принципы человеческого существования, «против общественного порядка, отрицающего это существование, мешающего жить, несущего смерть». Указывая на жестокое обращение полиции, грубое насилие полицейских, участники событий повторяли: «Они относятся к нам как к животным»³⁴.

Поскольку пригороды и особенно неблагополучные кварталы населяла мигрантская молодежь арабо-африканского происхождения, отношение полиции к ней почти автоматически принимало расистский оттенок. Все начиналось с тех оскорблений, которые молодые люди слышали при задержании и даже при элементарной и очень частой проверке документов. И за бранью полицейских скрывалось нечто фундаментальное – отношение французского общества в его большинстве к выходцам из бывших колоний как к «явлению, глубоко чуждому (*altérité essentielle*) и опасному для национального единства»³⁵. Во всем полицейском «дискурсе» отчетливо звучало напоминание о культурной, моральной и человеческой неполноценности жителей этих кварталов. «Полиция здесь не для того, чтобы нас защищать. Она нас постоянно провоцирует, обзывая “ублюдками”, “ниггерами (*bougnoule*)”». В глазах жителей подобных городских территорий (в США еще больше, чем во Франции) это «институт угнетения»³⁶.

Негативная идентичность

«В этой стране ниггер (*bougnoule*) останется ниггером», – с горечью говорил корреспонденту один из молодых жителей Обервилье африканского происхождения. – ... Ты видишь, нас не считают

³³ Kokoreff M. Les émeutiers de l'injustice // Mouvements 2006 . № 2 (44). P. 13–25.

³⁴ Lapeyronnie D. Op. cit. P. 439–440.

³⁵ La situation postcoloniale. Les postcolonial studies dans le débat français / Sous la direction de Marie-Claude Smouts. P., 2007. P. 298–343.

³⁶ Lapeyronnie D. . Op. cit. P. 439–440.

настоящими французами»³⁷. Так, действия полиции становились воплощением несправедливости существующего порядка. По отношению к полицейскому произволу формировалась коллективная идентичность восставших подростков и иммигрантского населения неблагополучных («чувствительных») кварталов, в которых они жили.

Такую идентичность некоторые аналитики называют «негативной», поскольку спланивающим фактором оказывалось противопоставление социальным институтам, политическим силам и прежде всего, разумеется, полиции – всем тем, кто в восприятии подростков определялись как «Они». Вырисовалась манихейская картина мира, где границу между двумя пространствами обозначали социальные, этноконфессиональные и культурно-исторические перегородки.

Подростки из иммигрантских кварталов – французы по рождению во Франции, они говорят по-французски, усвоили начала французской культуры. Однако, констатируют авторы международного социально-психологического исследования, «реально к ним не относятся как к части французского общества». Скорее, это отношение «напоминает приниженный статус жителей колоний в прошлом как “туземцев” или “аборигенов”»³⁸. Ярче всего такую приниженность демонстрировала полиция. В отношении пригородов установился режим, который называют «полицейской разновидностью колониального господства, как оно существовало в Алжире»³⁹. Неслучайно декрет от 9 ноября о введении чрезвычайного положения (которое не применялось со времени принятия самого закона в разгар Войны за независимость Алжира) был воспринят в иммигрантских кварталах, где большинство выходцы из Алжира, как продолжение Алжирской войны⁴⁰.

В настроениях протестовавшей молодежи отчетливо прочитывается негативное отношение именно к поведению полиции и ее начальника: наряду с отставкой Саркози она требовала прекращения рейдов в кварталы подразделений военизированной поли-

³⁷ *Kessous M.* "Tu vois le délire du premier ministre ? Dans ce pays, un bougnoule restera un bougnoule..." // *Le Monde*. 2005. 8 novembre.

³⁸ *Mansouri M., Feldman M., Lachal J., Dozio E., El Hussein M., Moro M. R.* Silence, Rebellion, and Acting-Out of a Silenced Past: Understanding the French Riots From a Postcolonial and Transcultural Perspective // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. December 18.

³⁹ *Peretti-Ndiaye M.* Compte rendu : Mansouri M. Révoltes postcoloniales au cœur de l'Hexagone. Voix d'adolescents.

⁴⁰ *Kessous M.* Op. cit.

ции ВАС («brigades anti-criminalité»)⁴¹. Притом, если отказаться от криминальной версии, боролись молодые протестанты, по сути, за распространение на них тех прав, которые Конституция страны гарантирует всем своим гражданам, иными словами, добивались «прав гражданства» во всей полноте социальных и политических прав, включая право заявлять свои права.

Для «поколения квартала», утратившего прямую связь с исторической родиной, французское общество представляет единственную реальность, и полноценная интеграция в нем становится жизненной необходимостью. Отсутствие полноправности превращало их в людей «второго сорта», поэтому таковая означает для жителей иммигрантских окраин признание их человеческого достоинства, сущности, самого существования. Французские социологи Стефан Бо и Оливье Масклет констатируют, что, восставая, подростки окраин «добивались того, в чем общество им отказало, а именно – законного права быть французами и пользоваться всеми социальными и экономическими прерогативами, которые предполагает это право». Их выступления – свидетельство отчаяния молодых людей, ощущающих, что их «раз и навсегда лишили будущего»⁴².

Многочисленные сообщения и оценки профессионального сообщества, а полицейская тема – немалая часть всей аналитики событий осени 2005 г., позволяют говорить о том, что в отношениях между французской полицией и населением пригородов возник постколониальный феномен манихейского мира. Фиксируется и выявленный Францем Фаноном в колониальной ситуации призрак всепроникающего, будто растворенного в самом воздухе насилия (*mort atmosphérique*)⁴³, которое угнетает колонизованных, которому они пытаются противостоять и которое заражает их самих, подталкивая к насилию.

Вандализм

«Всех смутило», отмечают Бирджит Меннел и Стефан Новотны, что восставшие, «вместо того чтобы заявить свои требования

---

⁴¹ Поведение полиции ужесточалось параллельно деградации положения в пригородах и росту криминализации, эволюционируя от профилактической работы с жителями к репрессиям по отношению к правонарушителям. Такой переход ознаменовался изменением настроений французского общества, в глазах которого иммигрантские «кварталы в опасности стали опасными кварталами» (*Beaud S., Mascelet O. Op. cit. P. 830*).

⁴² *Beaud S., Mascelet O. Op. cit. P. 842–843*.

⁴³ *Mansouri M. Révoltes intimes et collectives : les adolescents français descendants d'ex-colonisés algériens dans les «émeutes » de 2005. Thèse soutenue le 28 novembre 2011. Résumé de thèse. P. 4.*

в каком-нибудь манифесте», начали жечь автомобили и предпринимать подобные вандалистские действия в отношении государственных учреждений. Авторы увидели в проявлениях молодежного вандализма способ артикуляции протеста, выявив характерные черты сформировавшейся в парижских пригородах субкультуры: молодежный сленг-верлан⁴⁴, «французский рэп»⁴⁵. «Субкультура пригородов, – пишет О. В. Зегонов, – это и свой язык, своя музыка, свой образ жизни, противопоставляемый обществу. Субкультура доказала свою жизнеспособность и за пределами собственно пригородов: про хулиганов с окраин слагали стихи, писали песни, снимали культовые фильмы»⁴⁶. Самым известным сделался фильм «Ненависть» Матье Кассовица – о банде из пригорода.

Как уже было отмечено в культивировании образа «мачо» среди «поколения квартала», нельзя преуменьшать значение этой тенденции, тем не менее некорректно сводить явление к героизации хулиганства в его криминальном смысле. Формируясь исподволь и отражая различные, во многом жестокие аспекты жизни иммигрантских кварталов, эта культура вбирала протестные настроения молодежи. В том же «французском рэпе» отчетливо звучали злободневные темы иммиграции, расовой дискриминации, нищеты и убогости жизни в пригородах. Популярные рэперы становились выразителями протестных настроений.

Стоит обратить внимание на мемориализацию как часть коллективной идентичности «поколения квартала», память этого поколения о столкновениях с полицией, жертвах этих столкновениях, о предшествующих эпизодах борьбы за равноправие и социальную справедливость. Многозначительны и уроки, которые извлекло «поколение кварталов» из этого опыта, ведь параллельно стычкам подростков с полицией проходили легальные протестные акции иммигрантского населения с демонстрациями, созданием общественных организаций, выдвижением социальных требований, и они обретали значительную политическую и общественную поддержку.

Выдающимся событием в политической истории Пятой республики сделался «марш бёров»⁴⁷. «Марш за равенство против ра-

⁴⁴ Верлан — пласт лексики молодёжного сленга. Как язык парижских окраин восходит к XIX в.

⁴⁵ *Mennel B., Nowotny S. The Languages of the "Banlieues".*

⁴⁶ *Зегонов О. В. Беспорядки во Франции: Причины, характер, уроки. 2006. С. 27.*

⁴⁷ На аргю человек, один или оба родителя которого являются арабами. *Бёры*, может быть отнесено, считает Е. Б. Деминцева, ко всему второму поколению иммигрантов из Магриба (См.: *Деминцева Е. Б. Указ. соч.*).

сизма» (так он официально назывался) иммигрантской молодежи в основном алжирского происхождения, начавшийся в Марселе в октябре 1983 г. и триумфально⁴⁸ завершившийся на площади Бастилии в Париже 3 декабря, явился «символом социального признания второго поколения» иммигрантов», что выразилось в получении ими гражданства⁴⁹.

Что же произошло после 1983 г.? «Вы говорите, устройте марш (подобно «бёрам» – А. Г.); но это ничего не дает. У нынешних поколений есть бумаги (о гражданстве), однако они не такие, как другие французы», – говорил журналисту *Le Monde* 40-летний житель Клиши-су-Буа⁵⁰. «Поколение бёров» завоевало политические права, статус гражданства; но в глазах следующего поколения, тех самых подростков, что стали участниками выступлений осенью 2005, выходцы из иммиграции оказались французами лишь юридически, сделавшись *Français de papier*⁵¹, с бумагами о гражданстве и «французами на бумаге». Значительная часть французского общества их не считает согражданами, что не могло не воздействовать на сознание протестантов, закрепляя в нем манихейскую картину мира, разделенного между «мы» и «они».

Обособившееся от «старших братьев» «поколение квартала» оказалось в полной политической изоляции. Были добровольные активисты-общественники, работавшие в кварталах, были спортивные и просветительские ассоциации, были «позитивные лидеры», объяснявшие молодежи политические процессы. Но власти постарались убрать из пригородов этих критиков существующей системы. И молодежь осталась в одиночестве, свидетельствует Язид Керфи, участник социально-воспитательной программы (*Transformations Thérapies sociales*) среди молодежи в Шантлупле-Винь⁵². Потому «насилие и сделалось единственным ответом», единственным доступным для молодых способом артикуляции своих требований⁵³.

Ни одна из системных политических структур не имела влияния на протестовавшую молодежь. И левых, и правых в имми-

⁴⁸ Широко освещался во французской прессе. 8 участников были приняты в Елисейском дворце Ф. Миттераном, пообещавшим удовлетворить требования протестовавших.

⁴⁹ *Beaud S., Masclat O.* Op. cit. P. 809.

⁵⁰ *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 445.

⁵¹ *Beaud S., Masclat O.* Op. cit. P. 827.

⁵² Небольшой городок (10 тыс. жителей) в 25 км к северо-западу от Парижа. Здесь снимался фильм «Ненависть».

⁵³ *Kokorieff M., Oganisjan P.* Op. cit. P. 47–48.

грантских кварталах именовали «усыпителями»⁵⁴. Можно сказать и по-другому: настроения и чаяния молодежи проблемных кварталов никак не выражались в политической повестке дня. Парадоксальный факт, что наиболее ненавистным для этой молодежи оказался политический деятель, загодя настоятельно призывавший учитывать чувства этой молодежи, ощущающей себя, несмотря на гражданство и приобщение к французской культуре, людьми «второго сорта»⁵⁵. Вступив в президентскую гонку и сориентировавшись на рост ксенофобии во французском обществе и соответствующее поправление электората, Саркози сделался для «поколения квартала» воинствующим антагонистом.

Существующий порядок символизировали для взбунтовавшейся молодежи не только полиция и административные учреждения. Симптоматично, что объектом вандалистских акций стали школьные здания. Пострадали 106 начальных школ, 92 коллежа, 49 лицеев⁵⁶. Курс на социальную интеграцию выходцев из иммигрантской среды посредством школьного образования дал серьезный и в случае бунтарей 2005 г. совершенно наглядный сбой. Они в своей массе отнюдь не уклонялись от обучения в школе. Среди тех, кого судил трибунал в Бобиньи, 80% имели школьное образование, большинство учились в коллежах или профессиональных училищах (*formation professionnelle*, ВЕР-САР), некоторые в профессиональных лицеях, один в лицее общего типа. Половина не избежала второгодничества. При этом лишь двое подростков систематически не посещали школу и двое ушли из школы, не получив документов об ее окончании⁵⁷.

Как во времена колониализма (в том числе в описании Фанона), в постколониальной Франции школе и образованию отводилась исключительная роль в ассимиляции выходцев из колоний. И этот способ интеграции во французское общество становился подобием «воспитательной диктатуры», которая вызывала особое неприятие у учащихся арабского происхождения, задевая их самолюбие и напоминая дидактические приемы учителей в колониальной школе. «Они постоянно учат нас морали», принимая нас за «идиотов» или «относятся к нам как к детям», слышали интервьюеры⁵⁸.

⁵⁴ Ibid. P. 50.

⁵⁵ *Sarkozy N.* La République, les religions, l'espérance. P., 2004. P. 148.

⁵⁶ *Ruptures postcoloniales : les nouveaux visages de la société française / Ed. par N. Bancel, F. Bernault, P. Blanchard, V. Amiroux.* P., 2010. P. 145.

⁵⁷ *Mucchielli L., Delon A.* Op. cit.

⁵⁸ *Ruptures postcoloniales.* 2010. P. 145.

Активное неприятие вызывало ориентирование детей из пригородов на неполное и заведомо неполноценное образование. «Нас обескураживало отношение учителей, – замечает 21-летний выходец из Алжира. – Они не поощряли нас продолжать школьные занятия, так как были убеждены, что для “черных” или “арабов” существует предел, за которым их учить бесполезно»⁵⁹. При этом профессионально-техническое образование, на которое ориентировали молодежь пригородов, в значительной степени обесценилось, поскольку лишило возможности получить диплом о полноценном общем образовании, который только и открывал перспективу поступления в университет. Тем самым для этого контингента молодежи радикально ограничивались конкурентные возможности на современном рынке высококвалифицированного труда. Наконец, даже имея дипломы, выходцы из арабо-африканской среды подвергались сегрегации. «Из сотни мной разосланных анкет я получил только три приглашения на беседу, – говорил корреспонденту *Le Monde* 24-летний житель Обервилье. – Школа ничего не дает. Вот поэтому их и жгут»⁶⁰.

Смысл вандализма повстанцев, формулирует Кокорев: «разрушения – это требования»⁶¹. В условиях политической изоляции бунт становится для юных маргиналов способом коммуникации. «Почему жгут?», – Потому что с ними никто не хочет разговаривать, лаконично отвечает уже упоминавшийся Язид Керфи. «Они действительно жаждут разговора. Они хотят дискутировать с кем-нибудь, кто действительно их будет слушать». Но встречаются «отсутствие эмпатии»⁶², желания у общества и власти их понять. Бунт с его вандалистскими проявлениями оказывается единственным способом артикуляции, которая доходит до общества, единственной для прозябавшей в неблагополучных кварталах иммигрантской молодежи коллективной возможностью оказаться в публичном пространстве.

Уничтожением частного или государственного имущества бунтарь в отсутствии политических механизмов выражает свое отношение к существующему порядку. «Знаешь, когда размахивают коктейлем Молотова – это призыв о помощи, – говорил журналисту житель Обервилье. – У нас нет слов выразить, что мы чувствуем. Мы умеем говорить, только поджигая»⁶³.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 445.

⁶¹ *Kokorieff M., Oganisjan P.* Op. cit. P. 47.

⁶² Ibid. P.50–51.

⁶³ *Bordenave Y., Kessous M.* Op. cit.

«Это единственный способ заставить говорить о нас, – заявил корреспонденту «Ле Паризьен» 17-летний бунтарь из Оне-су-Буа. – ... Когда все станет спокойно, не останется ни одной телевизионной камеры». «Хотят привлечь к себе внимание, – резюмировал 34-летний житель Монфермей. – Они говорят, если устроить панику, тогда нас не забудут». Такое же мнение выразил молодой житель Обервилье: «Когда людей охватывает страх, политики обращают внимание и, в конце концов, предлагаются решения»⁶⁴.

В бунтарстве, полагает Лапейрони, выявляется не только «эмоциональная рациональность», разрядка напряжения, выход негативных страстей. Есть также прагматизм («*rationalité instrumentale*»), надежда бунтующей молодежи на принятие мер государственной поддержки и улучшение своего положения. При этом неудача предшествовавших поколений, которые не смогли мирным протестом добиться изменений в системе, подталкивает молодежь к поиску других способов действия. Даже если «выгоды» оказывались иллюзорными, и бунтари не слишком на них надеялись, то был момент наслаждения от того, что они стали «признанным актором» в публичном пространстве⁶⁵.

Зрелищность

Выдающуюся роль в политизации выступлений и превращении их участников в общественных деятелей сыграла медиасфера. Французское и международное телевидение преподнесло выступления молодежи в «сценариях гражданской войны». Нельзя сказать, замечает философ и политический деятель Этьен Балибар, «кто кого использовал», но благодаря такому изображению для французского общества стала явью нетерпимость ситуации в пригородах. Какой бы ни была реакция на эти события, их зрелище выражает отчаянное желание заявить себя не как объект или чей-то проект, а как экзистенциальность, постоянно игнорируемую окружающим обществом. Поскольку единственным признаком существования в современном демократическом обществе является место в медиaprостранстве, отмечает Балибар, происходит переход в «новую эру, когда средства массовой коммуникации играют роль невольных организаторов (*d'organisateurs passifs*) социальных движений»⁶⁶.

⁶⁴ *Lapeyronnie D.* Op. cit. P. 443–444.

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ *Balibar E.* Uprisings in the banlieues // *Lignes*. 2006. № 3 (21).

Напрашивается вывод. Если осень 2005 г. запечатлелась в памяти парижан пламенем, охватившим окраины столицы, то телевидение постаралось разнести это «пламя Парижа» на всю страну и весь мир. И такая зрелищность была в данном случае исключительна важна во многих отношениях, становясь в известном смысле для повстанцев самоцелью.

Если использовать предложенную Лапейрони метафору «театра» пригородов, и это важно подчеркнуть, бунтарские выступления становились зрелищем прежде всего для самих актеров. Культивировавшееся подростками девиантное поведение находило ярчайшее выражение в протестных выступлениях, выглядя притом неким кинематографическим сюжетом. Участники мелкими группами под покровом ночи, прикрыв лица глубокими капюшонами, предавались буйству насилия в «своих» кварталах⁶⁷. Самые пылкие и юные буквально смаковали свои «подвиги». «Все, что вам понадобится, это бутылка с бензином и ткань для фитиля», – говорил корреспонденту 17-летний член «банды» поджигателей. Дальше нужно разбить стекло машины и «бросить коктейль внутрь» «Через две минуты машина пылает, а то и взрывается»⁶⁸.

Тех, кто постарше, даже пугала такая ретивость «все разрушать». Они понимали риски эскалации насилия, опасность гражданской войны, но считали поджоги необходимостью. «Мы всем готовы пожертвовать, – говорил 21-летний участник «банды». – Даже сожгли машину друга. Его это очень разозлило, но он понял»⁶⁹. Так, зрелищность выступлений оказывалась осмысленной, превращаясь в самоцель.

То, что Лапейрони назвал «моментом наслаждения» для бунтарей, становилось событием для квартала, для всего пригорода. «Все жители высыпали на улицу», – сообщает Франсуаз Давис, общественница из города Сен-Дени, ставшая режиссером документальных фильмов об иммигрантских кварталах. Люди, до того молчавшие, заговорили о наблевшем, об издевательствах полиции, о своем достоинстве. Малолетние и немногочисленные бунтари «создали большое движение». Предав огню в Сен-Дени 49 машин, они «сделали то, что нам не удавалось лет пять или шесть»⁷⁰.

⁶⁷ *Beaud S., Masclat O.* Op. cit. P. 810.

⁶⁸ *Bordenave Y., Kessous M.* Op. cit.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ *Kokoreff M., Osganian P.* Pourquoi mettent-ils le feu ? P. 47.

Вызывающая зрелищность бунтарских акций, которые превращались в своего рода празднество для самих участников и тех зрителей, кто разделял их эмоциональное состояние, напомнила исследователям о протестных выступлениях «низов», угнетенных слоев населения в традиционных обществах, о присущей этим выступлениям «карнавальной культуре (*permanence d'un carnaval contestataire*)»⁷¹, когда в освященных древнейшей традицией рамках ритуала происходило оспаривание статусной иерархии и узаконенный порядок переворачивался с ног на голову. Историки писали о том, как такие празднества превращались в насильственные действия против «сильных мира сего» с поджогами и грабежами, а то и с человеческими жертвами.

То, что в архаических празднествах выглядело зачастую жесточайшей игрой, может трактоваться как протестное действие, участники которого, не оспаривая господствующий порядок в целокупности, указывали на ставшие невыносимыми для них его проявления и тем самым обозначали пределы своего терпения. При этом они взывали к высшим ценностям данного общества – моральным, религиозным, человеческим. Как показал в своем классическом труде британский историк Эрик Хобсбаум, подобные выступления могли стать «эффективным средством коллективной коммуникации» с верхами общества для тех, кто был «лишен доступа к признанным механизмам общественного действия». Лапейрони, развивая эту мысль, считает возможным говорить о «стратегии» преодоления существующей институциональной системы теми, кто был отчужден от нее. Преодоления на двух уровнях: верхнем – акцентированием моральной легитимности протеста и нижнем – «обращением к насилию»⁷². В таком историческом ракурсе выдающийся французский исследователь, скончавшийся в 2020 г., определяет молодежные выступления осенью 2005 г. как *révolte primitive* – примитивную форму повстанчества.

Что это было?

Именно из-за «примитивности», архаичной формы определение событий в современных политологических категориях вызывает затруднение, которое усиливается привнесением диаметрально противоположных идеологических оценок. «Девииантность» и

⁷¹ Huard R. Compte rendu : Nicolas J. La rébellion française // Mélanges de la Casa de Velázquez. 2003. № 2 (33). P. 310.

⁷² Lapeyronnie D. Op. cit. P. 434–435.

«преступность», «городские беспорядки» и «городское насилие», «восстание низов» и «герилья» – это не полный перечень терминов, звучавших во французской прессе.

В научной аналитике используются два понятия *émeute* и *révolte*⁷³. Первый, производный от глагола *émouvoir*, обозначает в первооснове коллективные эмоции, выражающиеся в виде «спонтанного народного выступления» (*soulèvement*)⁷⁴. Термин наиболее распространен по отношению к событиям 2005 г. Однако он имеет малоподходящие коннотации, в общем сводящиеся к хрестоматийному русскому «бунт бессмысленный и беспощадный». Критики заявляют об оценочности термина, более того, о привнесении в его употребление оправдания полицейских акций и репрессий по отношению к иммигрантским кварталам. Между тем среди тех, кто привержен термину *émeute*, есть добросовестные аналитики, сочувственно относящиеся к «бунтарям». Приходится признать все же, что в этих работах упор делается на спонтанности их выступлений и вандализме действий.

При употреблении *révolte* на первый план выходит осмысленность выступлений, их протестный характер. «Говорить о *révolte* (но не *révolution*, что несомненно будет преувеличением) значит, делать акцент на значении протеста в коллективных действиях насильственного характера (*la dimension protestataire des violences collectives*)», – подчеркивает Кокореф⁷⁵. Обращает на себя внимание оговорка социолога. *Révolte* не просто однокоренная морфема *révolution*, понятия нередко сближаются. Не случайно некоторые авторы идут дальше *révolte* и называют события осени 2005 г. *insurrection* – «восстание» термин, который во французской исторической традиции относится к революционным событиям. Между тем выступления молодежи без покушения на центры власти (в отличие, например, от движения «желтых жилетов») и выдвижения идеологической программы явно далеки от революционности. Напротив, исследователи подчеркивают отсутствие или зачаточность политического сознания бунтарей⁷⁶. Впрочем, как справедливо указала социолог-урбанист Мари-Элен Баке, опреде-

⁷³ К сожалению, в отечественной традиции различие нередко теряется, и оба термина переводятся понятием «бунт».

⁷⁴ Mucchielli L. L'émeute, forme élémentaire de la protestation // Cités. 2012 № 2 (50). P. 49.

⁷⁵ Kokoreff M., Steinauer O., Barron P. Op. cit.

⁷⁶ Mauger G. L'émeute de novembre 2005 : une révolte protopolitique. Bellecombe-en-Bauges, 2006.

ление этого вида протестного сознания в современных политологических категориях вообще некорректно⁷⁷.

При социально-антропологическом подходе, которому стремился следовать автор этой статьи, упор делается на молодежной субкультуре иммигрантских кварталов. Протестные выступления 2005 г. предстают развитием свойственных этой субкультуре элементов девиантности. В протесте выразилось обостренное ранимостью молодежной психики чувство моральной униженности и социальной несправедливости. Истоки протестных настроений коренятся в конечном счете в условиях маргинального существования в отчужденном городском пространстве («зоне»). Политически, экономически и культурно этот социум обособлен от общества, пребывая в состоянии, которое основатель французской школы социологии Э. Дюркгейм назвал «аномией» (от фр. *anomie* – беззаконие, отсутствие норм). Разлад между декларированными в обществе культурными нормами и искаженностью их применения по отношению к иммигрантским кварталам остается постоянно действующим ресурсом социального напряжения. Это постоянное напряжение разряжается спорадическими бунтарскими протестами молодежи, самыми масштабными из которых явились события осени 2005 г.

REFERENCES

- Ворожцов Е. Н.* Меняться и менять // Россия в глобальной политике. 2005. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/menyatsya-i-menyat/> (дата обращения 01.03.2024). [Vorozhtsov E.N. Meniat'sya i meniat' // Rossiya v globalnoi politike. 2005. N. 6].
- Гордон А. В.* Постколониальный синдром во Франции: протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2023. № 1. С. 5–29 [Gordon A. V. Postkolonial'nyĭ sindrom vo Frantsii: protestnye vystupleniia arabo-afrikanskoĭ molodezhi prigorodov (osen' 2005 g.) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 9: Vostokovedenie i afrikanistika. 2023. № 1. S. 5–29].
- Деминцева Е. Б.* «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли эбдо» // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 135–148 [E. B. Demintseva. "Problemnye

⁷⁷ Novembre 2005, dix ans après les émeutes. 2015. P.43–44.

okrainy” i ikh obitateli: parizhskiie predmest’ia mezhdu “buntom okrain” i “Charlie hebdo”].

Зегонов О. В. Беспорядки во Франции: Причины, характер, уроки / Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2006. № 2 (14) [Zegonov O.V. Beporyadki vo Frantsii: Prichiny, kharakter, uroki / Analiticheskiye zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii. 2006. № 2 (14)].

Лапина Н. Ю. Новые отверженные: Французский контекст // Независимая газета. 2020. 29 июня. С. 12. [Lapina N.Yu. Novyye otverzhennyye: Frantsuzskiy kontekst // Nezavisimaya gazeta. 2020. 29 iunia. S. 12].

Новоженова И. С. «Лишние люди»: волнения иммигрантской молодежи во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 121–141 [Novozhenova I.S. «Lishniye lyudi»: volneniya immigrantskoy molodezhi vo Frantsii // Aktual'nyye problemy Yevropy. 2008. № 4. S. 121–141].

Balibar E. Uprisings in the banlieues // Lignes. 2006. № 3 (21). URL: <https://www.cairn.info/revue-lignes-2006-3-page-50.htm> (дата обращения 01.03.2024).

Beaud S., Masclat O. Des « marcheurs » de 1983 aux « émeutiers » de 2005. Deux générations sociales d'enfants d'immigrés // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2006/4 A 61. № 4. P. 809–843.

Bordenave Y, Kessous M. Une nuit avec des "émeutiers" qui ont "la rage" // Le Monde. 2005. 7 novembre.

Claske D. If You Can't Hear Me, I Will Show You": Insurgent Claims to Public Space in a Marginalized Social Housing Neighborhood in France // Space and Culture. 2018. Vol. 22. № 3. URL: [Dijkema_Insurgentusespublicspace_accepted\(1\).pdf](#) (дата обращения 01.03.2024).

Émeutes urbaines et protestations: Une singularité française / Ed. par H. Lagrange, M. Oberti. Paris, 2006.

En 2005, trois semaines d'émeutes urbaines // Le Figaro. 2015. 25 octobre.

Enquêtes sur les violences urbaines: comprendre les émeutes de novembre 2005: Les exemples de Saint-Denis et d'Aulnay-sous-Bois / Cicchelli V., Galland O., Maillard J. de., Misset S. Paris, 2006.

Fanon F. Les damnés de la terre. Paris, 1961.

Hobsbawm E. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. Manchester, 1959.

Huard R. Compte rendu : Jean Nicolas, La rébellion française // Mélanges de la Casa de Velázquez. 2003. № 2 (33). P. 310–314.

- Kessous M.* « Tu vois le délire du premier ministre ? Dans ce pays, un bougnoule restera un bougnoule... » // *Le Monde*. 2005. 8 novembre.
- Kokoreff M.* Les émeutiers de l'injustice // *Mouvements*. 2006. № 2 (44). P. 13–25.
- Kokoreff M., Osganian P.* Pourquoi mettent-ils le feu ? Des acteurs de terrain racontent // *Mouvements*. 2006. № 2 (44). P. 45–57.
- Kokoreff M., Steinauer O., Barron P.* Les émeutes urbaines à l'épreuve des situations locales // *Sociologies* [En ligne]. URL : <http://journals.openedition.org/sociologies/254> (дата обращения 01.03.2024).
- Lapeyronnie D.* Révolte primitive dans les banlieues françaises. Essai sur les émeutes de l'automne 2005 // *Déviance et Société*. 2006. Vol. 30. № 4. P. 431–448.
- Mansouri M.* «Révoltes intimes et collectives : les adolescents français descendants d'ex-colonisés algériens dans les «émeutes » de 2005 ». Thèse soutenue le 28 novembre 2011. Résumé de thèse.
- Mansouri M.* Révoltes postcoloniales au cœur de l'Hexagone. Voix d'adolescents. Paris, 2013.
- Mansouri M., Feldman M., Lachal J., Dozio E., El Hussein M., Moro M. R.* Silence, Rebellion, and Acting-Out of a Silenced Past: Understanding the French Riots From a Postcolonial and Transcultural Perspective // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. 18 December.
- Mauger G.* L'émeute de novembre 2005 : une révolte protopolitique. Bellecombe-en-Bauges, 2006.
- Mennel B., Nowotny S.* The Languages of the “Banlieues”. URL: <https://transversal.at/transversal/0513/nowotny-mennel/en> (дата обращения 01.03.2024).
- Mucchielli L.* L'émeute, forme élémentaire de la protestation // *Cités*. 2012. № 2 (50). P. 49–56.
- Mucchielli L., Delon A.* Les mineurs émeutiers jugés à Bobigny (93) // *Justice des mineurs – Emeutes urbaines*. Paris : Revue Claris. N. 1. 2006. 29 octobre. URL : <https://histoirecoloniale.net/les-mineurs-emeutiers-juges-a.html> (дата обращения 01.03.2024).
- Nicolas J.* La Rébellion française. Mouvements populaires et conscience sociale (1661–1789). Paris, 2002.
- Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO /Madani Cheurfa, Adil Jazouli et Henri Rey (dir.) // Paris, 2015.
- Peretti-Ndiaye M.* Compte rendu : Mansouri M. Révoltes postcoloniales au cœur de l'Hexagone.. Voix d'adolescents. URL: <https://journals.openedition.org/lectures/12730> (дата обращения 01.03.2024).

- Piettre A.* La glèbe et la plèbe Les révoltes des banlieues françaises : un répertoire d'action collective ancien pour une nouvelle visée du mouvement social ? // Séminaire RT 21 Mouvements sociaux Association Française de Sociologie. Februaire 2010, France. halshs-00461848. – URL : <https://www.academia.edu/68945236/> (дата обращения 01.03.2024).
- Quand les banlieues brûlent. Retour sur les émeutes de novembre 2005. Éd. revue et augmentée / Sous la dir. de V. Le Goaziou, L. Mucchielli. Paris, 2007.
- Ruptures postcoloniales : les nouveaux visages de la société française / Ed. par N. Bancel, F. Bernault, P. Blanchard, V. Amiraux. Paris, 2010.
- Saint Sauveur Ch., de.* La cité du « 112 » entre exaspération et espoir // Le Parisien. 2000. 10 juillet.
- Sarkozy N.* La République, les religions, l'espérance. Paris, 2004.
- Situation postcoloniale. Les postcolonial studies dans le débat français / Sous la dir. de M.-Cl. Smouts. Paris, 2007.

Гордон Александр Владимирович

доктор исторических наук
главный научный сотрудник
ИНИОН РАН 117418, Москва,
Нахимовский проспект, д. 51/21
e-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Alexander Gordon

Dr. Hab. (History), Chief researcher
Institute of Scientific Information
on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
51/21 Nahimovski Ave,
117418 Moscow, Russia
e-mail: gordon_aleksandr@mail.ru
ORCID 0000-0003-0908-8662
Scopus ID: 57193746873